

Жизненный мир в истории России

От редактора

Категория «жизненный мир» известна относительно давно, – еще Эдмунд Гуссерль писал об этой проблеме в одной из своих ключевых работ по философии познания. В западной гуманитарной науке это понятие прижилось, чего не скажешь об отечественной исторической науке, пребывающей в плену «железных» (по умолчанию принятых) объективистских схем объяснения истории как истории по преимуществу политической. Нередко «жизненный мир» трактуют просто как «повседневность», которую никто не замечает.

Если оставаться в плену объективизма, исходя из того, что существует история «сама по себе», без живого, конкретного, контекстуального воплощения, то обращение к категории «жизненный мир» ничего не даст – только раздражение против тех, кто внедряет это понятие в категориальную сферу науки. Если же возникает желание менять гуманитарную науку, делать ее радикально более антропологической, чем об этом думали даже отцы-основатели Школы «Анналов», то придется задуматься над тем, что же меняет эта категория в исследовательской практике современного ученого.

Прежде всего, она касается исходной точки наблюдения: ведь в обыденной жизни мы «видим» через собственную привычку мыслить о чем-либо. Мы вовлечены в свой собственный жизненный мир, а значит не замечаем нашей детской привязанности к общепринятому. Изменение «точки наблюдения» означает только одно, – мы в состоянии подвергнуть сомнению *постулаты* нашей обиходной культуры, чтобы настроить себя на восприятие другого контекста, вписанного *в свою* – и потому иную – ситуацию жизненного мира. Иначе говоря, нет никакого одинакового и однородного, незабываемого и покоящегося в себе самом жизненного мира, а есть океан мыслей, страстей, смысловых привязанностей, которые только кажутся незабываемыми, а на самом деле изменчивы, динамичны.

Эдмунд Гуссерль был разочарован, когда понял, что «жизненный мир» непосредственно, целиком, не дан нам, как не дан нам целиком весь язык, хотя мы на нем говорим!.. Как же мы узнаем, что жизненный мир существует? Не идет ли речь о мистификации? Нет, не идет, хотя что-то чудесное в природе человека остается фактом совершенно бесспорным. Жизненный мир открывает себя через всякое принятое по умолчанию в том или ином контексте объяснение повседневности. Оно содержит в себе не только смысл производимый, но и смысл преданный. Ведь любое объяснение состоит из двух (по крайней мере) параметров: интенциональности и установки.

Интенциональность – это всякое смыслопорождение, установка – преданная актуальность этого смыслопорождения. Производя смысл во всякой интерпретации, мы исходим из уже готового (принятого по умолчанию) смысла, хотя не замечаем этого.

Таким образом, жизненный мир являет себя миру в конкретной *интерпретации* повседневности (не только бытовой, но и всякой: творческой, научной, той, которая способна объединять людей).

Жизненный мир – это *осмысленная* повседневность.

Соединение жизненного мира с историей дает нам возможность выйти на проблему «конвенциональных моделей» – о чем и говорится в теоретической статье доктора филологических наук, профессора А.В. Каравашкина. Мы познаем жизненный мир сквозь призму принятых в обществе коммуникаций. Сама история с точки зрения необъективистской науки – это жизненный *контекст и конвенциональность*, это живое сознание индивидуумов, связанных между собой общими мотивами жизни, творчества и т. д. Не все статьи в этом номере одинаково имеют отношение к проблеме жизненного мира, но те, которые к этой проблеме приближаются, освещают важную составляющую жизненного мира – саму повседневность, эмпирию жизни, не породившую еще мотивацию.

«Жизненный мир в истории России» – серия, которая задумана для каждого ежегодного восьмого номера «Вестника РГГУ», в котором будут излагаться не только теоретические аспекты необъективистской гуманитарной науки, но и конкретные результаты, в той или иной мере приближающие нас к искомой человеческой истории.

А. Юрганов